

НОВЫЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ¹

1

Автор нового этимологического словаря польского языка Ф. Славский является по своей специальности болгаристом и имеет ряд трудов по болгарскому языку. По вопросам славянской и польской этимологии к началу публикации рецензируемого словаря он опубликовал немного работ: это обстоятельная и тщательно написанная рецензия на болгарский этимологический словарь С. Младенова, затем — крупная статья о дублетах *o : u* в славянских языках² и несколько заметок частного характера по этимологии отдельных слов. Однако из интересных методологических заметок, опубликованных Ф. Славским через несколько лет после начала публикации словаря³, мы узнаем, что непосредственной работе над словарем предшествовали почти десять лет подготовительного труда.

Составитель польского этимологического словаря находится в более выгодных условиях сравнительно с составителями таких словарей для других славянских языков. В его распоряжении имеются богатые собрания диалектной лексики Я. Карловича и других авторов, словарный состав различных эпох истории польского языка прекрасно отражен в трудах старых польских лексикографов вплоть до С. Б. Линде. Наконец, неоценимым орудием труда является образцовый, судя по отзывам, «Древнепольский словарь» Польской Академии наук, опубликованный пока лишь в незначительной части и вследствие этого доступный в основном только польским исследователям. Составитель польского этимологического словаря имеет возможность в полной мере использовать достижения польской лингвистической географии в работах К. Ипча. Одним словом, десятилетия, истекшие со времени выхода в свет словаря А. Брюкнера (1927 г.), принесли очень много истории и этимологии польского языка, вызвав тем самым потребность в современном польском этимологическом словаре.

Сам Ф. Славский неоднократно указывал, что его словарь отнюдь не призван полностью заменить словарь А. Брюкнера. Об этом убедительно свидетельствует также осуществленное почти одновременно с выходом первого тома словаря Ф. Славского второе издание «Этимологического словаря польского языка» А. Брюкнера, выпущенное тиражом в 20 тыс. экземпляров⁴. Однако несомненно также и то, что труд А. Брюкнера, занявший почетное место в литературе по славянской этимологии, сохраняет сейчас во многих отношениях лишь историческое значение. В меньшей степени эта оценка может быть отнесена к материалу, в большей степени — к методам работы. На практике почти всегда приходится предпочесть обычно плохо документированным сведениям Брюкнера точные справки Ф. Славского, основанные на систематических материалах полного «Древнепольского словаря» Академии наук. Кроме того, сейчас уже не может быть признан приемлемым метод подачи материала, примененный А. Брюкнером, который, как известно, заявил в предисловии к словарю, что не считает нужным приводить или оспаривать прочие этимологии, хотя сам знает их все превосходно⁵. И, наконец, А. Брюкнер полностью не использовал географии языковых фактов, в связи с чем словарь Ф. Славского является желанным дополнением к труду А. Брюкнера.

В предисловии к первому выпуску Ф. Славский указывает, что отличие его словаря от словаря А. Брюкнера будет состоять еще и в том, что он намерен учитывать преимущественно словарь современного литературного языка (стр. 5). Однако стоит лишь вернуться к первым строкам предисловия, где Ф. Славский справедливо ставит в упрек А. Брюкнеру пренебрежение данными лингвистической географии и диалектными материалами, чтобы понять недостаточную продуманность этой установки Ф. Славского. Совершенно ясно, что учет лингвистической географии должен был строиться на исчерпывающем использовании диалектной и устаревшей лексики. Сам Ф. Славский в дальнейшей конкретной работе над словарем фактически отошел от заявленной вначале установки, как мы [это] можем с удивлением м сейчас констатировать.

¹ F. S ł a w s k i, Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I (A — J), Kraków, 1952—1956, 599 стр.; V. M a c h e k, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, 627 стр.

² F. S ł a w s k i, [рец. на кн.:] Ст. Младенов, Этимологически и правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ, «Rocznik slawistyczny», t. XVI, cz. 1, 1948, стр. 68 и сл.; F. S ł a w s k i, Obecność *o : u* w językach słowiańskich, «Slavia occidentalis», t. 18, Poznań, 1947, стр. 246 и сл.

³ См. F. S ł a w s k i, Z doświadczeń przy pracy nad Słownikiem etymologicznym języka polskiego, «Język polski», roczn. XXXVI, zes. 4, 1956, (стр. 274 и сл.); об этом же см.: Ф. С л а в с к и, Принципы за съставяне на этимологичен речник на славянски език, «Езиковецки изследвания в чест на академик Стефан Младенов», София, 1957, стр. 263 и сл.

⁴ A. B r ü c k n e r, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1957.

⁵ A. B r ü c k n e r, указ. словарь, стр. XIII.

Лучшие из его собственных опытов, как, например, этимологии польск. диал. *grędać się*, *grędo*, *grędko*, ст.-польск. *grędq* (см. стр. 344—345 словаря), были бы невозможны в противном случае. Однако определенный отбор лексики за счет ряда диалектных слов и большого числа культурных заимствований имел место, что вряд ли следует признавать положительным явлением¹. На деле это означало ущерб для полноты словаря. Так, мы напрасно будем искать у Ф. Славского слово *chachmęć*, а из заимствованных — *ementarz* или *harumpalcat*, за которыми нужно обращаться по-прежнему к А. Брюкнеру. В отличие от А. Брюкнера, Ф. Славский не включил принципиально даже наиболее интересные из собственных имен, о чем тоже можно только пожалеть, тем более что именно польская наука дала много нового в вопросе изучения топонимики и ономастики. Известно, насколько полезны сведения по этимологии топонимики, приводимые, например, М. Фасмером в «Русском этимологическом словаре».

Один важный вопрос, имеющий первостепенное значение для структуры этимологического словаря, не нашел отражения ни в предисловии к словарю, ни в написанных позднее заметках Ф. Славского «Из опыта работы над этимологическим словарем польского языка», ни, наконец, в болгарском варианте этой статьи, помещенном в сборнике за честь С. Младенова. Это тем более интересно, что в своем словаре Ф. Славский проводит, как мне кажется, единственно правильный принцип. Здесь имеется в виду вопрос, объединять ли в общие гнезда слова на основе их этимологической принадлежности, включая при этом в одну статью и разные производные, или же рассматривать в качестве отдельных статей каждую существенную словообразовательную модель одного и того же исходного корня. Ф. Славский дает в качестве самостоятельных статей *ciskać* (стр. 103) и *cisnąć* (стр. 104); *czesne* (стр. 120), *czesć* (стр. 120), *czesnik* (стр. 121); *człek* (стр. 123) и *człowiek* (стр. 123); *dań* (стр. 137), *dąc* (стр. 137), *dąc* (стр. 136), *darować* (стр. 138), *darzyć* (стр. 138), *dawać* (стр. 138—139); *drobiazg* (стр. 166), *drobić* (стр. 166) и *drób* (стр. 169).

Если сам Ф. Славский в своих теоретических выступлениях никак не мотивирует этот метод, то некоторые его рецензенты отнеслись к данному вопросу, напротив, весьма внимательно. Так, В. Поляк, рассматривая несколько новых этимологических словарей, специально указывает, что в словаре И. Голуба — Ф. Коpecного даются, как правило, целые нерасчленимые этимологические гнезда, в противоположность чему М. Фасмер применяет аналитический метод, давая отдельно такие слова, как *бог*, *богадельня*, *богатый*, *богослуж.* и т. п. Почему В. Поляк считает, что «Ф. Славский в этом следует скорее за Голубом, чем за Фасмером»², для нас, по-видимому, так и останется загадкой. В. Махек ищет по этому поводу следующее: «Бросается в глаза у него (Славского) — О. Т.) то, что в ряде случаев он не приводит всю семью слов в одной статье, а разделяет их на отдельные статьи, правда, только тогда, когда производные являются якобы древними, т. е. когда они имеют точные соответствия и в остальных славянских языках... Это имеет свое оправдание в таких случаях, как *grzuzca* и *grzuzna*, в остальных же я считаю это излишним»³. И В. Махек и В. Поляк говорят о преимуществах и невыгодах обоих методов, однако это скорее производит впечатление рассуждений не на тему. Недостаток метода этимологических гнезд состоит далеко не только в том, что в итоге образуются очень сложные статьи, в которых не сразу можно найти нужное слово. Для этого в словарях А. Брюкнера, И. Голуба — Ф. Коpecного и В. Махка (подробнее см. ниже) имеются дополнительные алфавитные индексы. В. Поляк усматривает даже в описанной особенности словаря И. Голуба — Ф. Коpecного черту, присущую новейшему этимологическому исследованию с его первостепенным вниманием к изучению пелых групп лексики. Но, во-первых, нельзя ставить знак равенства между этимологическим словарем языка и монографическим этимологическим исследованием, скажем, названий красок в славянских языках. Во-вторых, — и это главное — метод этимологических гнезд означает то, что разные производные, давно имеющие в языке свою собственную судьбу и историю, а нередко представляющие лишь передачу, кальку иноязычной модели, оказываются формально подчиненными одной общей основе. Современное этимологическое исследование, если понимать его несколько иначе, чем это делает В. Поляк, как раз предполагает обязательный интерес к реальным единицам речи, будь то производные с продуктивными или непродуктивными суффиксами.

Раздельное рассмотрение образований *grom* (стр. 347), *gromić* (стр. 349) и *gromiki* (стр. 349) позволяет Ф. Славскому выделить первые два как исконно польские, в то время как третье обнаруживает признаки заимствования из русского языка. Ввиду слово-

¹ Эти особенности словаря Ф. Славского уже служили предметом обсуждения в литературе; см. V. P o l á k, *Nad novými etymologickými slovníky slovanskými*, «Rozčník slavistyczny», t. XVIII, cz. 1, 1956, стр. 33; ср. также мою статью «Принципы построения этимологических словарей славянских языков», ВЯ, 1957, № 5, стр. 64—65.

² V. P o l á k, указ. статья, стр. 32.

³ V. M a c h e k, [рен. на кн.:] F. Sławski, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. I, «Slavia», роён. XXVI, seš. I, 1957, стр. 131.

образовательной прозрачности, казалось бы, единственно целесообразным будет объединить все три слова в одной статье *grom*, но это затуманивало бы особую судьбу каждого типа. Более того, в ряде случаев желательно проводить аналитический принцип еще решительнее, чем проводит его Ф. Славский. Так, приводя *dlugi* (стр. 148), он забывает вообще упомянуть такой важный праславянский диалектизм, известный лишь западно-славянским языкам, как производное существительное польск. *dlugość*, чеш. *dlouhost*; ср. его параллель в хет. *dalugaštiš* «длина». Очевидно также, что не во всех случаях Ф. Славский сделал выводы, основание для которых дает его аналитический метод. Он рассматривает в особой статье *dzieje* «история» (стр. 194), в древнепольском также «подвиги, деяния», видя в нем производное от др.-польск. *dzijać*. Однако культурный термин *dzieje*, вероятно, представляет буквальный перевод лат. *gesta* «деяния, подвиги», причем перевод мог быть осуществлен на польской или на чешской почве; ср. чеш. *dějiny* «история». В статье *javny* (стр. 527—528) можно было бы добавить, что *javny* «публичный» представляет собой кальку с нем. *öffentliche Straße, öffentlicher Platz* (ср. *javna droga, javne mjejsce*).

К концу первого тома словаря статьи в нем значительно возрастают в объеме. Так, статья *jastrząb* занимает почти целые две страницы, на которых подробно изложены и критически прокомментированы различные этимологии. Столь же обширна статья *jutro*. Правда, в некоторых случаях увеличению объема статьи способствуют излишние, на наш взгляд, подробности, посвященные заимствованиям. Говоря о заимствовании, бывает иногда полезно уточнить происхождение слова в самом языке-источнике. Ф. Славский наряду с этим, объясняя *holować* из нем. *holen*, считает нужным добавить, что последнее содержит тот же корень, что слав. **kolkoľ*. При этом автор очень удаляется от своих непосредственных задач. Этимология ничего не выигрывает, а принципиальное различие между генетическим родством и заимствованием сглазывается.

Остальные замечания носят частный характер. Ф. Славский всегда дает богатую библиографию, и здесь трудно назвать какой-либо досадный пропуск. В статье о др.-польск. *jen, jenze* «который» (стр. 581) следовало использовать исследование З. Рысевича¹. Суффикс *-va* в **dźewa*, польск. *dziawca* следует отличать от суффикса отглагольных имен *bitwa, kłątwa*, которые скорее представляют расширение сушпной основы на *-i* (**bitū, *klętiū*), тогда как Ф. Славский не делает здесь различия (стр. 191). Без достаточного основания *cholewa* «голенщик» признается родственным сербскохорв. *hlěca, hlěce* (стр. 74), хотя последнее давно известно как заимствование из романских языков. При подаче иноязычных примеров желательно в современном этимологическом словаре применять общепринятое новое правописание, т. е. литовск. *burkiūti*, а не *burkiūti* (стр. 50).

Что касается различных возможных этимологических решений, то в ряде случаев это могло бы представить тему не для одной, а для многих специальных статей, что наглядно показывает пример К. Мошинского, который сопровождает словарь Славского из года в год новыми заметками в журнале «Język polski».

2

Недавний выход в свет «Этимологического словаря чешского и словацкого языка» В. Махка является событием большой важности. Автор его — профессор Брненского университета Вацлав Махек — широко известен как специалист по индоевропейской и славянской этимологии. В итоге более чем тридцатилетней работы он написал значительное количество трудов в этой области. Среди них имеется много статей и заметок, печатавшихся в различных чехословацких и зарубежных журналах, а также такие важные крупные исследования, как «Studie o tvoření výrazů expresivních» (Прага, 1930), «Recherches dans le domaine du lexique balto-slave» (Брно, 1934), «Česká a slovenská jména rostlin» (Прага, 1954). Круг проблем, интересующих В. Махка как этимолога, очень широк. Среди них центральное место всегда занимало изучение экспрессивных элементов словаря и характерных для них звуковых изменений. В противоположность распространенной точке зрения, значительная часть обычного словаря признавалась генетически экспрессивной, в связи с чем подвергались ревизии многие важные специальные проблемы, как, например, проблема начального *x-* в славянских языках. Эта совокупность вопросов стала определять основное направление работ чешской этимологической школы, крупнейшим представителем которой является, наряду с покойным И. М. Коржаником, В. Махек. Другой важной проблемой, постоянно занимающей В. Махка, является выявление «праевропейских», иначе — доиндоевропейских элементов словаря славянских и других индоевропейских языков Европы. Следует тоже упомянуть об интересе В. Махка к изучению, например, параллельных образований славянских и хетто-лувийских языков. Все эти вопросы нашли отражение в его новом этимологическом словаре.

¹ Z. Rysiewicz, Zachodniosłowiańskie *tyń, syn, jnē*, «Księga referatów [II Międzynarodowego zjazdu slawistów]», Sekcja I — Językoznaństwo, Warszawa, 1934, стр. 108 и сл.

Рецензируемый словарь содержит этимологически обработанное лексическое богатство как чешского, так и словацкого языков. Сведения об истории слов и их первом появлении сообщаются, ср. *almužna* — XIII в. (стр. 17 словаря), *archa* — 1498 г. (стр. 19), однако это не проводится с той абсолютной последовательностью, которая характерна, например, для словаря Ф. Славского. В то же время в словаре широко используются материалы диалектов Чехии, Моравии, Силезии и Словакии, приводятся большое количество вариантов слова, рассматриваются интересные диалектные формы. Например, наряду с *teprv*, др.-чеш. *teprv(o)*, называются диал. *teprva*, *teprřiva*, *teprv(a)*, *teprov(á)*, *tepráv*, *teprem*, *teprum*, *teprym*, *depro*, *deprem* (стр. 526). Значения заглавных чешских и словацких слов В. Махек дает в исключительных случаях, когда это требуется и для чехословацкого читателя, в то время как Ф. Славский приводит всегда развернутое значение по принципу толкового словаря. Регулярно прослеживае. В. Махек распространение форм в остальных славянских языках. Что касается подачи сведений по этимологии, В. Махек решает эту задачу довольно своеобразно. Отказавшись в самом начале от равномерного реферирования литературы («Úvodní slovo», стр. 8—9), В. Махек регулярно приводит лишь ссылки на свои работы и работы чехословацких ученых — И. Зубатого, В. Шмиллауэра, И. Янко, И. М. Коржиника, Ф. Оберпальцера-Илека, К. Яначка, из польских чаще — Я. Отрембского; остальные литературные ссылки носят скорее случайный характер. Удивление вызывает неожиданная щедрость, с которой автор цитирует в некоторых местах словарь довольно длинные выдержки из новой беллетристики, например из «Города в стене» А. С. Серафимовича и др.

Этимологическая часть статей в словаре представляет значительный интерес с самых различных точек зрения, так как здесь хорошо отражены как достоинства, так и недостатки чешской этимологической школы. Кроме того, здесь наиболее полно представлены этимологические достижения самого автора, причем некоторые из толкований — как он сообщает, приводятся им здесь впервые («Úvodní slovo», стр. 9). Этимологии В. Махка пользуются широкой известностью, многие из них стали общим достоянием. Ср., например, объяснения слав. *jědrъ* (чеш. *jadrný*, русск. *ядрѣный*) — к др.-инд. *indra*-«сильный, крепкий», *Indra*; слав. *jьgъla* (чеш. *jebla*, русск. *улла*) — производное от слав. *jьgo*, «ярмо, иго»; слав. *ježьbny*, чеш. *ježmen* — от **ank-* «гнуть»; чеш. *struk*, русск. *стручок* — к литовск. *runkū*, *rūkti* «морщиться»; чеш. *střemen*, русск. *стремя* — к литовск. *remti* «опереть» и др.

Значительный интерес представляет объяснение чеш. *peskovati* «ругать» — к русск. «руга» как диалектного заимствования (ср. ганацк. *pěskovat* «ругать»), хотя по этому поводу возникла целая дискуссия в чешской литературе¹. Все эти этимологии вошли в настоящий словарь. Некоторые статьи, посвященные названиям предметов материальной культуры, снабжены специальными иллюстрациями, которых в тексте словаря всего восемь. Это можно рассматривать как новшество в этимологическом словаре. К сожалению, В. Махек совершенно не затрагивает этимологии топонимии и вообще собственных имен, как и Ф. Славский. Словарь бы много выиграл от включения хотя бы наиболее интересных, старых названий, таких, как *Benátky*, *Brno*, *Haná*, *Miškovec*, *Olomouc* (этимологией которого, кстати, занимался сам автор в другом месте²), *Rakousko* и т.р. Отдельных названий автор все же несколько касается; ср., например, *Zdár* < *žďáru* < *žáru* (стр. 591).

Специально нужно упомянуть участие в подготовке словаря проф. В. Шмиллауэра, который в качестве научного редактора книги сообщил В. Махку множество своих наблюдений, замечаний и литературных справок, использованных автором в тексте. Представление об их количестве дает даже беглый просмотр словаря. В. Махек использовал также ряд замечаний рецензента Ф. Копечного.

Основным методом построения словарной статьи в этимологическом словаре В. Махка является метод этимологических гнезд. Автор убежден в его полезности, как мы это видели из его слов, цитировавшихся при обсуждении работы Ф. Славского. Общие методологические пороки этого метода были вскрыты выше, здесь можно ограничиться наиболее необходимыми примерами. Стр. 391: «*pravý*; огромное множество производных и богатое развитие значений. Наречие *pravě*..., *právě*...; *býtí práv něcemu*...; *právo*, *právni*, *-ník*,... *správný*, *bezpráví*, *svěprávny*, *pravoplatný*; *pravověrný*; *pravoslavný*...» и др. Кажется, что все перечисленные производные достаточно прозрачны в словообразовательном отношении и по праву занимают в статье подчиненное место. Однако, что это не совсем так, показывает сам автор, определяющий, например, форму *pravoslavný* как целиком заимствованную из русского языка. Впрочем, сам метод, применяемый В. Махком, заставляет его тут же рядом допускать ошибки или же не выделять того,

¹ См. «*Naše řeč*», ročn. 37, № 7—8, 1954, стр. 193—196; «*Naše řeč*», ročn. 39, № 3—4, 1956, стр. 76—79; «*Naše řeč*», ročn. 40, № 1—2, 1957, стр. 32—36, № 9—10, стр. 277—282.

² См. V. M a c h e k. *Jméno Olomouc*, «*Časopis vlasteneckého spolku musejního v Olomouci*», ročn. 59, 1950, стр. 12 и сл.

что настоятельно требует выделения. Немного ниже, в той же статье, автор упоминает *popraviti*, замечая, что раньше оно значило «исправить, привести к порядку», тогда как на самом деле мы имеем в этом слове особое образование, очевидную кальку: *po-praviti* «казнить» < нем. *hin-richten* «казнить». Единственно верную картину в этом случае дал бы аналитический метод, при условии, если бы анализ *popraviti* основывался на специальном историческом материале. На стр. 444 в статье *sila* объединены все производные от этой основы, как-то: *silný, posilnití*, др.-чеш. *silná cesta, silnicě*, современное *silnice* и др. Как видим, др.-чеш. *silná cesta, silnicě*, резко выделяющиеся из остальной массы производных от *sila* отличным значением «проезжая дорога, шоссе», у В. Махка оставлено без каких бы то ни было комментариев. Однако оно могло бы послужить предметом специального этимологического исследования, потому что есть основание думать, что мы здесь имеем кальку лат. *via* «дорога», осмысленного, вероятно, как производное от лат. *vis* «сила»¹, откуда др.-чеш. *silná cesta, silnicě* «проезжая дорога».

Особенно любопытны конкретные приемы этимологического исследования, применяемые В. Махком для констатации близких форм и для объяснения эволюции форм. Следует признать, что они носят ярко выраженный чешский характер методики чешской этимологической школы и одновременно существенно отличаются от методов и приемов, обычно принятых в индоевропейской и славянской этимологии. Последнее их изложение — скатное, но вместе с тем весьма полное — находим в предисловии к словарю (стр. 10—11). Изложению автор предпоставил следующие слова: «Поскольку при обычных способах интерпретации оставалось много неясных слов, я кое-где использовал возможности (из которых некоторые пропагандирует в особенности Ян Отрембский), до сих пор мало применявшиеся в этимологической работе, хотя они и таят в себе известную опасность. Но эта опасность исчезнет, или по крайней мере сократится до минимума, если структура сравниваемых слов в остальном не имеет различий, а также, если значения слов тождественны». Далее автор выделяет ряд явлений, определяющих, по его мнению, новые возможности этимологической интерпретации:

а) Удлинение корневого гласного в ряде слов в праславянском языке, например *slabý (ā)* при нем. *schlaff* (*a), *matý, sám, těsný, tělo*.

б) «Вертикальная» замена (субституция) согласных, причем, например, звонкий губной заменяется звонким зубным и наоборот. Пример такой замены В. Махек видит в устанавливаемом им соответствии слав. *bolěti*: лат. *dolere* «болеть» (ср. также стр. 37 словаря). Полное в остальном совпадение звуков и значения служит В. Махку аргументом для того, чтобы устранить это мешающее расхождение допущением необычного изменения *b : d*. При этом В. Махек никак не обосновывает реальность подобной субституции в отношении между генетически родственными словами. Вопрос о направлении изменения (*d > b* или *b > d*) так и не ставится.

в) Замена звонкого согласного парным глухим и наоборот. Этот момент особенно широко используется В. Махком; ср., например, слав. *krasa*: литовск. *grūžis, gražus* (стр. 232); чеш. *blizký*, русск. *близкий* признается родственным греч. *πείλας* «близко», *πλάτος*, дорич. *πλάτιος* «близкий» (стр. 35). Изменения, или, вернее, колебания такого рода несомненно в экспрессивной, звукоподражательной лексике или в словах, очевидно, связанных генетически со звукоподражаниями; ср. названия птиц: слав. *křipъ*: литовск. *gubė*. Гораздо меньше вероятна в возможности или продуктивности этих изменений в обычной, немотивированной лексике, чем объясняется недостоверие большинства этимологов к приведенным выше этимологиям В. Махка².

г) Замена плавных *l/r*, например чеш. *láti*, укр. *лiати* «ругать»: латышск. *rāt* «то же» (стр. 259).

д) Замена в способе артикуляции согласных, например носовой *n* вместо зубного смычного *d*. В. Махек приводит сопоставление равнозначных чеш. *hlen* и греч. *χλῆδος* (стр. 130).

е) Дистантная метатеза согласных. В. Махек правильно приводит классический пример — слав. *reko*: литовск. *kerū*. Существуют и другие надежные примеры этого явления, ср. чеш. *bětruch* из ср.-в.-нем. *buochvel* (стр. 29). Однако, когда сам В. Махек или другие представители чешской этимологической школы придают такому явлению необычайно большое значение и обнаруживают его в любых словах, имеющих «одни и тот же звуковой состав» (неважно, в каком порядке расположены эти звуки) и одинаковое значение, этимология теряет всякие критерии надежности. Возникает нелепый вопрос: способно ли подобное этимологическое исследование вывести этимологию из кризиса, о котором слишком много писалось последние два десятилетия? Дело отнюдь не в стремлении этимологию казаться правдоподобнее, вопрос носит принципиальный характер. Остается наиболее вероятным, что за вычетом метатезы, вызванных конкретными причинами формального или семантического порядка³ (табу), порядок звуков

¹ Между лат. *via* и *vis* вероятна также этимологическая связь. См. A. W a l d e, *Latinitisches etymologisches Wörterbuch*, 2 Aufl., Heidelberg, 1910, стр. 831.

² Ср. V. M a c h e k [пен. на кн.:] E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, «Slavia», роѡн. XXVI, сеš. 3, 1957, стр. 441.

в слове представляет собой стабильную величину, одно из условий равновесия элементов языка. Прочие примеры из словаря В. Махка: *bedro*, русск. *бедро* <**debro* <**dem-ro*, ср. лат. *femur, minis* (стр. 28); *břidký* <**bhidrú-*, ср. лем. *bitter* (стр. 48); *dobry*, **dobrr* <**bodrr*, ср. др.-инд. *bhadrá-*, гот. *batiza* (стр. 90); *hod*, **godr* признается родственным нем. *Tag* (стр. 135); русск. *крыса* отождествляется (вслед за К. Яначком) с литовск. *žiurkė* (стр. 239); *obilí*, **obilí* сопоставляется с греч. *ὄλιζος* и литовск. *ūbas* (стр. 331); *pouhý* <*hloupy*, *hlupý* (стр. 387); *stroj* путем принятия особо сложных метатез В. Махек сравнивает с нем. *bereiten* (стр. 477).

ж) Усиление некоторых корней плавающим *r* или *l* после первого согласного или обратный процесс, например в словах *chlípěti, klaběti, zgrýnat*; напротив, в *skočiti* В. Махек допускает выпадение такого *r* и сравнивает его с др.-в.-нем. *schrecchon* (стр. 447).

з) Соответствия ряда слов можно определить лишь признав замену типа *st/d* в начале слова. Это наблюдение оказывается в некоторых конкретных случаях полезным и подтверждается известным слав. *drozdъ*: литовск. *strázdas*. Ср. еще приемлемое соответствие такого типа: литовск. *skilândis* «часть желудка (у крупного рогатого скота)»; слав. *želodъkъ* (стр. 590).

и) Присоединение «подвижного» *s* в начале слова может вызвать ослабление конечного согласного, т. е. замену глухого звонким, ср. *čerp* > *šerp*.

й) Начальное *s* легко отпадает в интенсивных формах глаголов на *s*: *mlsati* < **smil-sā-*, ср. литовск. *smilauti*.

к) Случаи неожиданных носовых *e, q* В. Махек склонен объяснять расширением геминат, т. е. *-pp* < *-erp*, где *-pp* есть экспрессивное удвоение более раннего *p*. В связи с этим В. Махек признает необходимым пересмотр вопроса о судьбе долгих согласных в славянском.

л) Допускается возможность замен в корне дифтонгов *ei, eu* носовым дифтонгом *ei, et* и, наоборот, ср. **pditi*: греч. *πετίζω*.

Допущение всевозможных изменений в слове как бы освобождает В. Махка от необходимости считаться подчас даже с наиболее очевидными историческими и морфологическими отношениями. Так, глагол *budovati* В. Махек связывает через *obudovati* с синонимичным русск. *оборудовать*. У западных славян эта слишком длинная форма *l*-объема сокращена за счет среднего слога (стр. 39). Здесь почти каждое слово — фантазия! Неясное др.-чеш. *chlust, chluš* «слуга» оказывается возможным сопоставить с русск. *золуя* или даже с собир. *золушество* (стр. 158). Можно еще в какой-то мере принять гипотезу о родстве слав. *krado, krasiti* с жлѣдъс «вор», засвидетельствованным у Гесхлия — этой настоящей житницы для смелых этимологов, но отности сюда же русск. *кладывать* (медведи), в котором якобы сохранилось первоначальное *l* (стр. 232), — значит не считаться с очевидным фактом генетических и морфологических связей *кладывать* и *кладу, класть* и пр. Чешское *chlup* «волос» автор считает возможным связывать с литовск. *plaukas* «то же» (стр. 158), слав. *dobry* — с др.-инд. *bhadrá-* (стр. 90). Совершенно ясно, что такие этимологии В. Махка не могут встретить сочувствия у большинства этимологов.

Весьма существенное значение имеет вопрос об отношении В. Махка к семантической стороне языковых явлений. Из различных его высказываний и непосредственной исследовательской практики видно, что критериями родства или тождества слов он считает наличие одного и того же звукового состава и «абсолютное тождество значений». Принципиальные возражения вызывает второе положение. Практика этимолога показывает, что абсолютное тождество значений — величина эфемерная; ср. массу случаев вроде тождественных во всех отношениях польск. *joda* — болг. *еа*, причем, однако, первое означает «шхта», а второе — «ель». Налицо переход значения — ситуация, чрезвычайно типичная в этимологии. Наиболее надежным является исторический критерий вероятности принимаемых семантических переходов, тогда как лишенное исторической основы подобие или даже тождество значений может быть обманным. Показательно, что В. Махек во многих случаях отказывается признавать самые естественные переходы и видит самостоятельные омонимы там, где нужно говорить лишь о вариантах одной исходной формы. Он разделяет *chytrý* на *chytrý 1* и *chytrý 2*, относит первое со значением «подвижный» — к литовск. *kutrus* «то же», а второе («всезлущий») — к литовск. *gudrús*. «Эти два прилагательных *chytrý* нельзя, таким образом, объединить и принимать какое-либо развитие значения» (стр. 167). Слованск. *kúrit'* «бежать» В. Махек сравнивает с литовск. *kuriù, kùrti* в этом значении (стр. 248). Но данное литовское слово надо рассматривать не как самостоятельное соответствие лат. *currò* «бегу», а как местную экспрессивную замену литовск. *bėgti*. Это *kùrti* нельзя отрывать от *kùrti* «топить, дымить»; значения «дым, пыль» вообще часто используются при образовании экспрессивных терминов «бежать», ср. литовск. *dūmti* «бежать», *nudūmti* «удрать», развишиеся из основного значения *dūmti* «дуть». Слово *kvapiti*, польск. *kwapic się* «торопиться» В. Махек считает неясным, предполагая здесь экспрессивное образование на *-ap-* (стр. 251), в то время как здесь имеется полная аналогия разобранному случаю, а форма *kvapiti* этимологически родственна слав. *күрѣти* «кипеть», литовск. *kvapas* «пар, запах». Случай вроде чеш. *napařla mne myšlenka* он отрывает от *padati*, русск. *падать* и сопоставляет с нем. *fassen*, куда относит и русск. *нопадамъ* (стр. 347). Несо-

мнению, здесь можно говорить только об одном *padati*. Чеш. *napadla mne myšlenka* — калька немецких оборотов вроде *es fiel mir ein*, русск. *мне пришла в голову мысль*. В. Махек считает возможным разделить *žiti, žiji* 1 «поправиться, выздороветь» и *žiti, žiji* 2 «жить» (стр. 595).

В своем словаре В. Махек широко использует материал хеттского языка, однако при ознакомлении с устанавливаемыми им хеттско-славянскими соответствиями возникает опасение, что большинство из них антиисторичны, так как идентифицируются они на тех же принципах, что были изложены выше: *babrati se* «пачкаться» — хет. *parpárh-h* «осквернять, загрязнять» (стр. 21); *šechel* — хет. *kureššar* «женский головной убор» (стр. 67); *chrám* — хет. *karinni* «храм» (стр. 161); *le* (частица) — хет. *le* «не» (стр. 260); моравск. *lomiti* «определить, установить» — хет. *lamiti-a* «называть, приказывать» (стр. 275); *osnovati* — хет. *aššanu-* «устривать», каузатив от *eš* (стр. 342); *praviti* «говорить» отрывается от близких форм и относится к хет. *palvái-* «то же» (стр. 391).

Огромное количество названий животных, растений, явлений природы автор относит к числу остатков «праевропейского» субстрата: *bedla*, ср. греч. *βῆλα* «гриб» (стр. 28); *candít*, русск. *судак*, нем *Zander* (стр. 54); слав. *dyňa* (стр. 105); *hnida*, слав. *gnida* (стр. 134); *hovado*, слав. *govědo*, ср. литовск. *galviņas* (стр. 141); *sozna*, вместе с нем. *Kien* (стр. 464) и многие другие. При этом автор исходит из мысли, что предки славян населились на доиндоевропейское население и приняли из его языка все эти названия. Мысль в общем допустимая, но в большинстве конкретных случаев предположение о субстратном заимствовании имеет очень мало оснований. Здесь нужна большая осторожность. Следует помнить, как поразительно мало субстратных элементов проникло, например, в географическую терминологию сербскохорватского языка, как это показало специальное исследование И. Шютца¹. Приходится пожалеть, что В. Махек не приводит другие этимологии даже в тех случаях, когда существующая этимология надежнее, чем его собственная гипотеза.

Нельзя согласиться со способом подачи венгерского материала. Так, без дальнейших объяснений В. Махек приводит как родственные венг. *kető, távol, olcsó, kopoltyú*. Венг. *hamis* «фальшивый» называется заимствованием из нем. *hämisch*, что давно оставлено венгерской этимологией. Никакой критики не выдерживает сравнение словачк. *jesen*, русск. *осень* с венг. *ős*: «то же», так как другие родственные финно-угорские формы говорят о древнем наличии начального шипящего согласного, т. е. о прафинноугорской форме, не имеющей ничего общего со славянскими словами².

В заключение следует еще раз сказать, что выход в свет «Этимологического словаря чешского и словацкого языка» В. Махека является важным событием. Это результат большой работы опытного и оригинального этимолога. Дискуссии о методах этимологического исследования, оживление которых принесет этот словарь, могут оказать плодотворное воздействие на развитие этимологии.

Несколько замечаний, имеющих частное значение: *beran* сравнивается с греч. *βάρυχο* (стр. 29), которое, однако, нужно читать как *βάρυχο*, ср. *άρυχο*³ (следовательно, сравнение неверно); *jistý*, слав. *jystъ*. В. Махек объединяет с нем. *Geist* < *ge-ist* (стр. 181), но немецкое слово объясняется совсем иначе; диал. и словацк. *lagan* «лентый», *logaň* «парень», оставляемое без объяснения (стр. 255—256), можно поименить как истолковать как заимствование из венг. *legény* «парень»; *maňásek* «театральная кукла» представлено лишь как производное от др.-чеш. *maňas* «чучело», которое, по мысли В. Махека, продолжает какое-то имя, например *Maňj* (стр. 284). Точнее будет считать этим исходным именем *Marie*, тогда *maňásek* получает правильное объяснение как калька франц. *marionnette*, ср. *maňáskové divadlo* — франц. *théâtre des marionnettes*; говоря о *medle*, др.-чеш. *mnedle* (стр. 291), стоило сказать здесь о кальке нем. *meinewegen*; *oteň*, толкуемое как сокращение *oploteň* (стр. 345), естественно объяснять как родственное *lyn*⁴; к словацк. *riava, rava* «горный поток» < дако-рум. *reu* < лат. *rius* «ручей» (стр. 419) относится, вероятно, и местное название укр. *Рава* (Пусская).

Количество опечаток сравнительно невелико; ср., например, литовск. *valgyti* (стр. 173, 177), нужно — *válgyti*. На стр. 348 вместо «Frühgeschichte der Sprachwissenschaft» должно быть: «Frühgeschichte und Sprachwissenschaft». На стр. 600 неверно указан инициал: М. Bárzi вместо G. Bárzi.

О. Н. Трубачев

¹ См. J. S c h ü t z, Die geographische Terminologie des Serbokroatischen, Berlin, 1957.

² Сведения по этимологии венгерских слов можно найти в словаре: B á r z i G., Magyar szófajti szótár, Budapest, 1941, стр. 111, 163, 170, 223, 230, 304.

³ См. H. F r i s k, Griechisches etymologisches Wörterbuch, 2 Bde., Heidelberg, 1954, стр. 137.

⁴ См. F. В e l a j, Contributions lexicographiques (3 tchèue dialectal *oteň* «clôture»), «Slavistična revija», letn. VIII, 3—4, 1955 (приложение «Linguistica»).